

РУССКИЕ ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ КОРПУСАХ: ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ И «ПОДВОДНЫЕ КАМНИ»¹

Шмелев А. Д. (shmelev.alexei@gmail.com)

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Ключевые слова: перевод, параллельный корпус, лексическая единица, семантическое различие, лингвоспецифичность, «непереводимость»

RUSSIAN LANGUAGE-SPECIFIC LEXICAL UNITS IN PARALLEL CORPORA: PROSPECTS OF INVESTIGATION AND “PITFALLS”

Shmelev A. D. (shmelev.alexei@gmail.com)

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia;
Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The paper deals with language-specific lexical units as they appear in parallel corpora and the degrees of linguistic specificity. It discusses new insights into the languages compared that parallel corpora can provide as well as various pitfalls on the way to an accurate account of typological and cultural differences and similarities.

In particular, it deals with Russian language-specific words, which defy translation into other languages. On the other hand, Russian language-specific words quite often appear in translations into Russian even though no exact equivalent exists in the language of the original text; special

¹ Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Контрастивное корпусное исследование специфических черт семантической системы русского языка», проект № 13-06-00403 А).

attention is given to particles. The lack of such a particle where the communicative situation calls for it every so often gives the impression that we deal with a word-for-word translation of the original text containing no similar marker. In the absence of the relevant particle, the wrong implicatures may appear, or the text may cease to have coherence, or the utterance is perceived as a manifestation of arch use of language.

Key words: translation, parallel corpus, lexical unit, semantic difference, language specificity, "untranslatability"

1. Лингвоспецифичность и «переводимость»

Лингвоспецифичными называются явления, которые присутствуют не во всех языках мира; они противопоставляются явлениям, присутствующим во всех языках, или универсальным. Понятно, что установить лингвоспецифичность какого-либо языкового явления существенно проще, нежели установить универсальность: довольно привести пример хотя бы одного языка, в котором данное явление не имеет места (тогда как для доказательства универсальности, вообще говоря, следовало бы осуществить проверку по всем языкам мира).

Поскольку для установления лингвоспецифичности достаточно сопоставления с каким-то одним языком, на практике таким сопоставлением иногда и ограничиваются. В то же время сопоставление с большим числом языков дает возможность дать количественную оценку лингвоспецифичности: чем больше языков, в которых данное явление отсутствует, тем более специфично оно для языка, в котором оно имеется.

Лингвоспецифичность лексических единиц (слов в конкретном лексическом значении и фразеологизмов) заключается в специфичности их содержательной стороны (включая коннотации, фоновые компоненты значения и т. д.). Тем самым появляется почва для другой разновидности количественной оценки лингвоспецифичности: чем более своеобразна семантическая конфигурация, кроющаяся за лексической единицей, тем более лингвоспецифичной она может считаться.

Поскольку лингвоспецифичность лексической единицы определяется отсутствием у нее семантического эквивалента в языке, с которым ведется сопоставление, лингвоспецифичность естественно связывается с «непереводимостью». К сожалению, само слово «непереводимость» может ввести в заблуждение и повести к недоразумениям. Как известно, объектом практического перевода является не отдельная лексическая единица, а тот или иной текст (в котором могут содержаться такие единицы). Если иметь в виду реальную переводческую практику, любой текст оказывается «переводимым» с той степенью точности и адекватности, которая диктуется целями перевода и способностями переводчика. Поэтому точнее говорить не о «непереводимости», а об отсутствии точного словарного эквивалента в языке, который служит объектом сопоставления. Чем выше степень лингвоспецифичности лексической единицы, т. е. чем более своеобразна содержащаяся в ней семантическая

конфигурация, тем труднее найти для нее хотя бы приблизительный аналог в языке, с которым проводится сопоставление.

С этим связано то, что в реально существующих переводах для единиц с высокой степенью лингвоспецифичности часто предлагается значительное число переводных вариантов. В самом деле, если нет общепризнанного словарного аналога, выбор перевода обычно определяется специальным решением переводчика, опирающимся на его опыт, интуицию и знание обоих языков (языка оригинала и языка перевода); при этом решения обычно оказываются разными для разных контекстов или даже для одного и того же контекста у разных переводчиков. Только наивностью и непониманием сути дела можно объяснить утверждения, согласно которым то или иное слово не является лингвоспецифичным, поскольку для него в языке перевода обнаруживается множество переводных «эквивалентов»²; напротив того, именно обилие «эквивалентов» (а вернее — неточных аналогов) является надежным свидетельством лингвоспецифичности.

На основе сказанного возникает идея введения еще одного параметра количественной оценки лингвоспецифичности: чем более разнообразны переводы лексической единицы в реально существующих переводных текстах, тем выше ее лингвоспецифичность. Для оценки лингвоспецифичности по данному параметру можно опираться на данные какого-либо параллельного корпуса.

Однако здесь следует считаться с тем, что не всегда лингвоспецифичность ведет к разбросу переводов. Во-первых, есть заведомо лингвоспецифичные единицы, которые при переводе обычно вообще опускаются. Так, едва ли подлежит сомнению лингвоспецифичность русской частицы *же*, которую переводчики чаще всего просто опускают. В частности, это касается подавляющего большинства примеров использования этой единицы в оригинальных русских текстах, вошедших в параллельный английский подкорпус «Национального корпуса русского языка» (далее — НКРЯ)³. Приведем несколько характерных примеров⁴:

— И что же, по вашему мнению, является самым важным открытием за все эти тринадцать лет? [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий] — “And what, in your opinion, has been the most important discovery in these thirty years?” [Antonina W. Bouis]

² Так, мне встретились подобные утверждения, отрицающие лингвоспецифичность русских слов *пошлость* и *авось*. Лингвоспецифичность прилагательного *пошлый* отвергалась на том основании, что для него «подобрать эквивалент в рамках текста переводчику несложно» (предлагались такие слова, как *kitschig*, *ordinär*, *anzüglich*, *schlüpfrig*, *vulgär*). Аргументация относительно слова *авось* была сходной: говорилось, что «гресловутый “русский авось” переводится самыми разными способами: *auf gut Glück*, *wenn was ist*, *für den Fall der Fälle*, *aufs Geratewohl*, *ins Blaue hinein*, *planlos*, *ohne Plan*, *auf Gutdünken* Идея “авося” в немецком дискурсе частотна чрезвычайно». Разбор этих и подобных утверждений содержится в моей статье [Шмелев 2014].

³ Разумеется, следует отсеять все примеры использования этой частицы в качестве показателя тождества (т. е. в таких сочетаниях, как *тот же*, *такой же* и т. п.).

⁴ Здесь и далее в целях экономии места опускаются указания на название произведения, года его создания, год создания перевода. Указываются лишь авторы и переводчики.

Здорово, — он мне говорит. — Тебя, — говорит, — рыжий, по всему институту ищут... Тут я его так вежливо прерываю: — Я тебе не рыжий, — говорю. — Ты мне в приятели не набивайся, шведская оглобля. — Господи, рыжий! — Говорит он в изумлении. — Да тебя же все так зовут. [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий] — “Fine thing,” he said to me. “They’re looking for you all over the institute, Red.” I interrupted him right there, polite-like. “I’m not Red to you,” I said. “Don’t try that palsy-walsy stuff on me, you Swedish dolt.” “God, Red! Everybody calls you that.” [Antonina W. Bouis]⁵

Куда же мне уходить? [Н. Н. Носов] — “Where shall I go?” [Margaret Wettlin]

Необходимо добавить, что на поэта иностранец с первых же слов произвел отвратительное впечатление, а Берлиозу скорее понравился... [М. А. Булгаков] — It must be added that from his first words the foreigner made a repellent impression on the poet, but Berlioz rather liked him... [Richard Pevear, Larissa Volokhonsky]

Кроме того, для многих лингвоспецифичных слов имеется принятый переводческий «эквивалент», который, не будучи семантически тождествен исходному слову, используется в подавляющем большинстве практических переводов. Скажем, выражения *утречком*, *с утра*, *под утро*, *поутру*, *под утро*⁶ вполне успешно переводятся на английский язык выражением *in the morning*. Некоторая дополнительная информация, содержащаяся в данных выражениях, обычно не учитывается переводчиками (или предполагается восстанавливаемой из контекста), напр.:

с утра еще сделав себе расписание дня [Л. Н. Толстой] — when mentally sketching out the day in the morning [Constance Garnett]

Анна с утра оживленно принялась за приготовление к отъезду. [Л. Н. Толстой] — Anna set eagerly to work in the morning preparing for their departure. [Constance Garnett]

— Утречком поехали бы, разлюбезное дело, — подтверждал старик. [Л. Н. Толстой] — ‘You could go on in the morning and it would be pleasanter,’ said the old man, confirming what his wife had said. [Louise and Aylmer Maude]

С утра шел тихий, без ветра, теплый дождичек... [Л. Н. Толстой] — There was no wind; a soft warm rain had begun falling in the morning... William E. Smith]

⁵ Обращает на себя внимание, что переводчица, по-видимому, приняла приветствие *Здорово* за утверждение *Здóрово* ‘очень хорошо’.

⁶ Эти выражения рассматриваются в нашей статье [Зализняк, Шмелев 1997].

...он с утра поехал на Васильевский остров к Шустовой.

[Л. Н. Толстой] — ...he went in the morning to the Vasilievski Ostrov to see Shustova. [William E. Smith]

Судить начали с утра.... [А. П. Чехов] — The trial began in the morning... [Constance Garnett]

Под утро надо было идти в церковь к утрене. [А. П. Чехов] — In the morning he had to go to church to matins. [Constance Garnett]

Что за дом у нас такой! И этот с утра пьяный. [М. А. Булгаков] — ‘What a house we’ve got... Here’s this one drunk in the morning...’ [Richard Pevear, Larissa Volokhonsky]

— Ну, Киса, — заметил Остап, — придется с утра сесть за работу. [И. А. Ильф, Е. П. Петров] — “Well, Pussy,” declared Ostar, “we’ll have to get down to work in the morning.” [John Richardson]

Тем самым невозможно прямолинейное использование измерения лингвоспецифичности, основанное на разбросе переводов. Однако остается в силе общая закономерность: разнообразие переводов лексической единицы часто свидетельствует о том, что есть основания считать ее лингвоспецифичной.

2. Лингвоспецифичные слова в параллельном корпусе: возможности и ограничения

Если мы будем ориентироваться на реально встретившиеся переводы лингвоспецифичных слов языка оригинала, мы неизбежно столкнемся еще с рядом трудностей.

Прежде всего, мы должны считаться с неизбежной на данном этапе ограниченностью объема параллельных корпусов. Утверждения, которые делаются на основании этого ограниченного объема, с большой долей вероятности опровергаются при использовании параллельного корпуса большего объема.

Так, в интересном исследовании [Добровольский 2009] отмечается, что ни в одном из контекстов с обращением *брат* или *братец*, зафиксированных в русско-английском подкорпусе НКРЯ, буквальный перевод не встретился. На этом основании высказывается предположение, что «употребление слова *brother* в качестве обращения (когда адресат не является братом говорящего или членом монашеского ордена), видимо, воспринимается как полное нарушение коммуникативной нормы». При этом отмечается, что «это предположение нуждается в дальнейшей проверке» [Добровольский 2009: 398].

Вообще говоря, и без дополнительной проверки это предположение вызывает сомнения, поскольку в английском языке существует распространенное в некоторых социальных слоях обращение *bro* (сокращенное *brother*), а также

архаизирующее *brethren*; более того в оригинальных англоязычных текстах легко можно обнаружить обращение *brother* к лицам, не являющимся братом говорящего или членом монашеского ордена. Заметим, что с момента написания статьи [Добровольский 2009] объем английского подкорпуса НКРЯ существенно увеличился, так что теперь легко обнаруживаются примеры, в которых обращения *брат* или *братец* переведены как *brother*, напр.:

Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупца русского чувства. [Н. В. Гоголь] — But the very meanest of these vile men, whoever he may be, given over though he be to vileness and slavishness, even he, brothers, has some grains of Russian feeling. [Isabel F. Hapgood]

Пришел Михеев, послушал их речи и говорит: — Грех вы, братцы, великий задумали. [Л. Н. Толстой] — “Brethren,” said he, “you are contemplating a grievous sin.” [Louise and Aylmer Maude]

— Здравствуйте, братцы! — сказал он. [А. П. Чехов] — “Good-day, brothers,” he said. [Constance Garnett]

Пристав поднял глаза на Осипа и спросил: — Почему же это, братец? [А. П. Чехов] — The police inspector raised his eyes to Osip and asked: “Why is this, brother?” [Constance Garnett]

Иван Николаевич поднял свечу и вскричал: — Братья по литературе! [М. А. Булгаков] — Here Ivan Nikolaevich raised the candle and cried out: ‘Brethren in literature!’ [Richard Pevear , Larissa Volokhonsky]

Но дело не только и не столько в уточнении сделанного предположения. Самое беглое рассмотрение переводов русских лингвоспецифичных обращений *брат*, *братец* и *браток* на английский язык даже на том ограниченном материале, который нам предоставляет НКРЯ, позволяет видеть, сколь велика роль индивидуальных предпочтений переводчика. Некоторые переводчики предпочитают переводить обращение *братец* как *brother*, некоторые — последовательно переводят его как *my friend*, и эти предпочтения, по-видимому, оказываются более существенными, чем любые другие факторы, которые могут повлиять на выбор переводного эквивалента. При этом основанием для переводческого решения «могут оказаться поверхностное понимание, влияние переводных словарей или даже желание придать тексту перевода некоторый налет „иностранности“, чтобы текст воспринимался именно как перевод» [Михайлов 2005: 381]. Поэтому, когда русский язык выступает в качестве языка оригинала, данные параллельного корпуса дают нам заведомо недостаточную информацию о семантических особенностях русских лингвоспецифичных лексических единиц.

С другой стороны, параллельный корпус может дать весьма ценные данные при рассмотрении лингвоспецифичных слов в языке перевода. Применительно

к русским лингвоспецифичным словам это означает, что для проникновения в семантические секреты русских лингвоспецифичных слов более показательным может оказаться анализ переводов не с русского языка, а на русский язык. В самом деле, если лингвоспецифичное слово появляется в переводе, закономерным оказывается вопрос, какие особенности оригинала побуждают переводчика употребить это слово.

В статье [Levontina, Shmelev 2005] мы иллюстрировали похожее соображение на материале русской частицы *еще* в некотором особом типе употребления. Мы отметили, что фраза Терминатора *I'll be back* естественно может быть переведена на русский язык как *Я еще вернусь* (а не просто *Я вернусь*) и попытались описать условия появления частицы *еще* в контекстах такого рода.

Можно привести похожий пример. В книге Лео Ростена *The Joys of Yiddish* приводится следующая история:

Mr. Sokoloff has had dinner for twenty years in the same restaurant on the Second Avenue. This evening, as always, he orders bouillon. The waiter brings it, and wants to go back, but Mr. Sokoloff addresses him: "Waiter!" — "Yes, please?" — "Be so kind to taste this soup." — "But Mr. Sokoloff, you have come here for twenty years and you have never complained." — "Please", repeats Mr. Sokoloff obstinately, "taste this soup." — "But what is the matter, Mr. Sokoloff?" — "Please taste it." — "All right", the waiter says. "But... a moment. Where is the spoon?" — "Aha!", says Mr. Sokoloff.

Почти все, кто прочел эту историю и хочет рассказать ее на русском языке, передают последние фразы официанта следующим образом: *Но... минуточку. Где же ложка?* Частица *же* почти неизбежно появляется в переводе, и возникает вопрос, какие особенности оригинала заставляют ее использовать. Ответ на этот вопрос позволяет приблизиться к пониманию условий употребления частицы *же* в русском языке.

Анализ появления лингвоспецифичных слов в русском переводе может использоваться как средство проверки их семантического анализа. Так для частиц *разве* и *неужели* в работах [Булыгина, Шмелев 1982; 1987] было дано следующее описание:

- *Разве p?*
 - раньше я думал, что не **p**
 - теперь я вижу или слышу нечто такое, что не может быть правдой если не **p**
 - я хочу, чтобы ты сказал мне, **p** или не **p**
- *Неужели p?*
 - я думал, что **p** невозможно
 - некоторые вещи заставляют меня думать, что, может быть, **p**
 - я говорю тебе, что мне трудно поверить, что **p**
 - я хочу, чтобы ты сказал мне, **p** или не **p**

Материал английского подкорпуса НКРЯ подтверждает это описание:

The agent pulled the car to a stop and pointed between two fountains to a large door in the side of the pyramid. “There is the entrance. Good luck, monsieur.” “You’re not coming?” “My orders are to leave you here. I have other business to attend to.” [Dan Brown] — Агент остановил машину и указал на большую дверь в пирамиде между двух фонтанов. — Вход там. Желаю удачи, месье. — А вы разве не со мной? — Согласно приказу я должен оставить вас здесь. У меня есть другие дела.
[Н. Рейн]

Мы имеем:

- *p* = ‘Агент не пойдет с Лэнгдоном’
- Лэнгдон думал, что агент пойдет с ним (т. е. что не *p*)
- The agent said, “Good luck”, which implied that he was leaving (that is, not coming with Langdon)

В НКРЯ обнаруживается множество других примеров из НКРЯ, в которых в русском переводе употреблена частица *разве*, и все они укладываются в предложенное описание.

Частица *неужели* указывает на малую априорную вероятность *p* (с точки зрения говорящего), и примеры из НКРЯ подтверждают это (в них *неужели* в переводе используется в соответствии с выражениями *I can't believe*, *Do you honestly think*, вопросами типа *Can it be...?* и т. п.)

Употребление частиц *разве* и *неужели* с отрицанием в целом в целом также вкладывается в предложенное описание. Возможно следующая детализация. Вопросы *Разве нет? Разве не так?* представляют собою не реакцию на высказывание собеседника, а своего рода tag questions. Их смысл — уточнить у собеседника, согласен ли он со сказанным. Вопрос *Неужели нет?* представляет собою типичный вопрос-реакцию. Его смысл — собеседник спросил о чем-то, что не вызывает у говорящего сомнения, и говорящий говорит: «Конечно! Как можно в этом сомневаться?»

Вопросы *Разве нет? Разве не так?* в переводах подтверждают предложенное описание: они служат переводами разнообразных tag questions. Вопрос *Неужели нет?* в переводах, представленных в НКРЯ, не встречается.

Русские лингвоспецифичные выражения *плюнуть/плевать* и *махнуть рукой* указывают на то, что безразличие субъекта. В соответствии с этим оборот (*мне*) *плевать* регулярно появляется в переводах в соответствии с английским *I don't care*, хотя о плевках в оригинале ничего не говорится, напр.:

I don't care what you say about me, just spell my name right! [Dan Brown] — Мне плевать, что вы обо мне говорите, но только произносите мое имя без ошибок! [Г. Косов]

В подавляющем большинстве примеров использования в переводе выражений *плюнуть/плевать* и *махнуть рукой* для указания на безразличие в оригинале ничего не говорилось ни о плевках и о жесте ‘махнуть рукой’:

Rémy didn't give a damn about the Grail, except that the Teacher refused to pay him until it was found. [Dan Brown] — Лично он, Реми, плевать хотел на этот Грааль, но Учитель сказал, что не заплатит ничего до тех пор, пока он не будет найден. [Н. Рейн]

She doesn't give a shit what you're doing. [Lauren Weisberger] — Она плевать на тебя хотела. [М. Маяков, Т. Шабаева]

What would it say about God if God had done nothing? That the Almighty did not care? [Dan Brown. Angels and Demons (2000)]

I didn't give a damn how I looked. [J. D. Salinger] — Плевать мне было, какой у меня вид. [Р. Райт-Ковалёва]

...she wouldn't worry about words from High Up. [J. R. R. Tolkien] — Шелоб плюет на высочайшие приказы. [М. Каменкович, В. Каррик]

...regardless of the consequences for them; they had given up and gone home. [Stephen King] — ...не думая о последствиях: плюнули на все и вернулись домой. [С. Мануков]

Supposing I got like the others-not caring. [William Golding] — Ну вот возьму я и на все плюну. [Е. Суриц]

Лишь в исключительных случаях (в НКРЯ был обнаружен один пример) выражение *махнуть рукой* соответствует аналогичному жесту безразличия, на который указывал оригинальный текст:

He waved a hand like it didn't matter to him, like nothing mattered. [Michael Connelly] — Делакруа махнул рукой так, словно для него это не имело значения, словно ничто не имело значения. [Д. Вознякевич]

Мы видим, что лингвоспецифичные слова регулярно появляются в тексте перевода. Именно для таких случаев корпусная методика оказывается максимально эффективной. Появление таких слов, по-видимому, является неосознанным решением переводчика как носителя языка.

Напротив того, перевод лингвоспецифичных слов представляет собою задачу, которая, как правило, бывает отрефлектирована переводчиком. В этом отношении ценным было бы создание корпуса особого типа, в основу которого был бы положен один и тот же текст, содержащий лингвоспецифичные слова и переведенный на иностранный язык множеством разных переводчиков и снабженный их комментариями для всех трудных случаев. В этом случае мы извлекали бы из корпуса данные не столько о спонтанной языковой деятельности носителей языка, сколько об их метаязыковой рефлексии, что для многих задач не менее ценно. Однако параллельный корпус такого рода, насколько я знаю, еще не создан.

Литература

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41, № 4. С. 314–326.
2. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. О семантике частиц *разве* и *неужели* // НТИ, 1987, № 10. С. 21–25.
3. Добровольский Д. О. Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 383–401
4. Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Время суток и виды деятельности // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 229–240.
5. Михайлов М. Н. Частица и целое: к вопросу о поиске соответствий служебных слов в параллельном корпусе переводных текстов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог'2005» (Звенигород, 1–6 июня, 2005 г.). М., 2005. С. 377–381.
6. Шмелев А. Д. (2014) Язык и культура: есть ли точки соприкосновения? // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып.1. Стр. 36–116.
7. Levontina I., Shmelev A. The particles one cannot do without // East—West Encounter: Second International Conference on Meaning ↔ Text Theory. Moscow, 2005. P. 258–267.

References

1. Bulygina T. V., Shmelev A. D. (1982) Dialogical functions of certain types of interrogative sentences [Dialogicheskie funktsii nekotorykh tipov voprositel'nykh predlozheniy], Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR, Series of Language and Literature [Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka], Vol. 41, 4, pp. 314–326.
2. Bulygina T. V., Shmelev A. D. (1987) On the semantics of the particles *razve* and *neuzheli* [O semantike chastits *razve* i *neuzheli*], Science and Technical Information [Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya], 10, pp. 21–25.
3. Dobvol'skiy D. O. (2009) Parallel corpus in the investigation of culture specific lexicon [Korpus parallel'nykh tekstov v issledovanii kul'turno-spetsifichnoy leksiki], Russian National Corpus: 2006–2008. New Results and Perspectives [Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy], Nestor-Istoriya, S.-Petgersburg, pp. 383–401
4. Levontina I., Shmelev A. The particles one cannot do without // East—West Encounter: Second International Conference on Meaning ↔ Text Theory. Moscow, 2005. P. 258–267.
5. Mikhaylov M. N. (2005) The particle in the text: is it possible to check correspondences of functional words in parallel corpora [Chastitsa i tseloe: k voprosu o poiske sootvetstviy sluzhebnykh slov v parallel'nom korpuse perevodnykh

- tekstov], Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference “Dialog 2005” [Komp’yuternaya lingvistika i intellektual’nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoy konferentsii “Dialog’2005”] Moscow, pp. 377–381.
6. *Shmelev A. D.* (2014) Language and culture: do they have points of interaction? [Yazyk i kul’tura: est’ li tochki soprikosnoveniya?], Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of Russian Language [Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova], 1, pp. 36–116.
 7. *Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D.* (1997) Time and Human Activities [Vremya sutok i vidy deyatel’nosti], Logical Analysis of Language. Language and Time [Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremya], Moscow, pp. 229–240.